

АСТАНА

5
2015

Ж А Ң А Р Ғ А Н Қ О Ғ А М • Ж А Ң А Т А Л Ғ А М

АСТАНА
пресс

ISSN 2072-9154

9 1772072 1915001

ИЗ ЦИКЛА «АБАЙ И МИРОВАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

ХАКАНИ И АБАЙ

ЭССЕ

1. Жажда благородства

«Поразительная духовная связь великих поэтов, по-моему, существует реально и проявляется всюду. Я это как-то неожиданно и остро почувствовал однажды, прохаживаясь по тихим, задумчивым залам Государственного музея литературы имени Алишера Навои в Ташкенте. Затаив дыхание, разглядывал я древние книги и рукописи. Их было много, больших и малых, изящных и громоздких, потемневших от времени, от пыли веков, но сохранивших краски, искусство, неповторимое мастерство и терпение известных и неизвестных художников, оформителей, каллиграфов. Сколько труда, любви и вкуса вкладывали переписчики бесценных рукописей, поэтических сборников-диванов!

...Как бы погружаясь в старину, попадая в древний Восток – многокрасочный, бурный и яростный, созерцательный и мудрый, я с благоговением шептал сладкозвучные имена: Навои, Хафиз, Саади, Фирдоуси, Низами, Джами, Фзули. И вспомнил: ведь когда-то юный Абай, вернувшись из Семипалатинского медресе, нашептывал, точно исцеляющую молитву, эти имена на ухо любимой бабушке Зере. И я обрадовался, увидев в одном из залов в ряду великих поэтов Востока и Абая.

И лучшие умы Запада неизменно стремились к сближению культур, наведению мостов. И одним из этих гениев был Иоганн Вольфганг Гете. Это он, плененный поэзией Востока, восклицал об одинаковой божественности Востока и Запада:

Cottes ist der Orient!

Cottes ist der Okzident!».

(Герольд Бельгер «Ночная песнь странника: Гете – Лермонтов – Абай», в книге «Брат среди братьев», стр. 109-110).

При повторном чтении фрагмента из текста Герольда Карловича ко мне пришла мысль о гоголевской Петрушке, который любит буквы, как ребенок, его сознание буквально поражает то, что можно сложить из них слова, из чего следует: азы являются источником всего на свете. Акакий Акакиевич Башмачкин из его «Шинели», чья страсть к переписыванию была велика и достойна высших похвал!

Особенность гениальности Абая заключается в его связи с великими поэтами мира. Один из них – это, безусловно, Хакани.

Краткие сведения гласят о нем: «Афзаладдин Бадил Ибрахим ибн Али Хакани Ширвани родился в 1120 году в г. Шемахе в небогатой семье столяра. Мать его, рабыня-христианка, принявшая ислам, скорее всего, была ассирийкой. Персы и азербайджане поспорили о его происхождении. Язык его персидский, отчизна азербайджанская».

В биографии Хакани случались резкие переходы, от двorca правителя до темницы, уже пожилым человеком, он до ухода в иной мир стал отшельником. Созерцательность и смиренность Хакани таят в себе скрытый бунт. Сердцeroждено для муки, радостно приемлет боль.

Что мольбы! Земля недвижна, вечно небосвод
сутул.

Поэт признает убогость вокруг, но не сдается в
плен уныния. Он верно осознает свою значимость
в этом мире.

Счастлив я, но единица выпала в моей игре,

Вы в тоске, но вам шестерку случай нынче
подметнул.

Высший знаковый смысл единицы особо
подчеркнул и Абай. В стихотворении «Когда есть
в сердце свет ума» (1889) (перевод с казахского
Ауезхана Кодара в книге «Абай (Ибрагим)
Кунанбаев. Избранное*», Алматы, «Ана тілі»,
1996), единица выступает символом мудрости, чей
эзотерический смысл соответствует истине природы
чисел. По Пифагору, число 1 символизирует монаду.
Единица по алхимии есть начало всех начал,
сущность вещей, порядок, создатель, мистический
центр, «один есть все» – и все от него, и все в нем». Мир
есть в целом расположение чисел.

Как единица – мудрый вождь,

Народ, как скопище нулей.

Знай, единица и без них,

Была бы в мире не слабей.

Зато без стойких единиц

Как быть нулям в толпе своей?!

Народ свой мирный не мути,

А береги его, жалей.

Когда есть в сердце свет ума,

Не спорят с теми, кто мудрей.

В оригинале: «Единица – жақсысы, / Ерген
елі бейне нөл./ Единица нөлсіз-ақ, / Өз басындық
болар сол. / Единица кеткенде, / Не болады өңкей
нөл?» (Абай).

Хакани и Абай были нравственными людьми
своего времени, для них высокий идеал свят,
низость и пороки людского общества им чужды.
Они отвратили свой народ от подлости, высмеяв
язвы общества – лицемерие, коварство, ложь в
своей гражданской лирике.

Хакани провозгласил старую правду, как свет:

Слушай, юноша! Низкий отвергни обман!

Ведь коварство – гибель народов и стран.

Ты сначала насытишься радостью вора,

А потом тебе руку отрубят, и скоро.

Лучше там поселись ты, где верность живет,

И поверь, что она – твой надежный оплот.

Я советую: к верности с детства готовься,

Хоть сейчас она в мире отсутствует вовсе.

Кто из низости и вырос над миром,

Но забыл благодетеля – равен кафирам.

У Франсуа Вийона, великого французского поэта

Средневековья, есть 11 баллад, написанных на
воровском языке, вернее, завуалированном жаргоне
преступной среды, где он вращался.

«Четверостишие, сложенное Вийоном, когда он
был приговорен к смерти», подтверждает, что Вийон
смирно осознавал бесовскую авантюру своего
греха с сарказмом, присущим лишь невозмутимым
умам:

Я – Франсуа – чему не рад! –

Увы, ждет смерть злодея,

И сколько вести этот зад,

Узнает скоро шея.

Абай всегда философски осмыслял бытие. В
житейских делах был глубоким психологом. Он
точно изучал и верно знал людские нравы, слабость
и несовершенство человеческого рода в целом.

«Жақсылығың күнде ұмыт, бір жаңылсаң болды
кек»; «Қазақтың қайсысының бар санасы, / Қылт
етерде дап-дайын бір жаласы. / Пысықтықтың
белгісі – арыз беру, / Жоқ тұрса бес бересі, алты
аласы».

Хакани подчеркивает невежество открыто:

Обижаться способны людские низы,

Что покуда не видно над ними грозы.

Абай сокрушается по поводу друга-предателя.
Доверчивость и искренность отныне не в почете.
Хитрость становится признаком ума. Хотя для
мудрости хитрость есть всего лишь клеймо
плебейства.

«Сенбе жұртқа, тұрса да қанша мақтап, / Әуре
етеді ішіне қулық сақтап. / Өзіңе сен, өзінді алып
шығар, / Еңбегің мен ақылың екі жақтап».

То же самое твердит Хакани:

Пусть сердце обольется кровью, ведь нет покоя,
и не будет.

Живи один, с самим собою, а верность друга
– это бред.

Испокон веков статус и психологический
облик рода человеческого не изменились. Хакани
отчаянно искал в людях благородство, но оно
столь редкостное явление. Мотив благородства у
него стоит особо. У Хакани высший идеал – это
благородный муж. Благородный муж подобен царю,
он стоит особняком.

В сей мир приходивших мужей благородных

Пасть мира глотала своим чередом.

Искал я благородства на развале, и нет нигде.

По всей земле любовь искал не я ли? И нет нигде.

Благородство и человечность неразлучны. Но
благородство обречено на гибель.

О Хакани! Вот сумасбродство, ты в людях
ищешь благородство!

Оно исчезло с горизонта, и стал пустынен оком.
 Он с болью сокрушается дальше:
 Ты не пытайся в наше время мужей увидеть
 благородных,
 Нет, в наши дни никто удачи и тень Анка не
 обретал.
 Когда б глаза узрели мужа, что благородством
 наделен,
 Узнали бы и ликованье души, вкусивший
 сладкий сон.
 О, Если б Хакани по свету искать зарекся
 благородства,
 Тогда бы этот мир покинул, из этой двери вышел
 вон.
 Поскольку мир со дня творенья еще не видел
 мужа чести,
 То лучше б вовсе не являлся и не увидел он.
 Хакани лихо приносит приговор земному
 порядку Вселенной, чуть ли не проклинает
 ничтожество:
 Тот мир, что до конца был создан, был без
 благородства стал пустыней,
 Хотя его и сотворили, уж лучше б не был
 сотворен.
 Мотив богоборчества налицо. Этот мир для
 поэта станет убогим и ничтожным, если в нем нет
 ни капли благородства. Жребий у поэтов нелегок,
 убогость и ложь сокрушают их сердца. Хакани
 выглядит, как ясновидец, как проклинающий за
 низменность, за вырождение. Благородство и
 верность есть два крыла для высочайшего полета
 Хакани, без крыльев он чахнет, как птица в неволе.
 И он вряд ли скрывает богоборческий дух:
 Коварный небосвод пустынен и миске нищего
 подобен,
 Нет пропитанья, ты созданья не постоянной не
 найдешь.
 Дожата нива благородства, здесь ни колосьев
 нет, ни зерен,
 Ты двух соломинок последних для поздней дани
 не найдешь.
 Да, сотворенному из праха ни пить из чаши
 благородства,
 Надежды на глоток прохладный ты для гортани
 не найдешь.
 Из стихов видно, что поэт часто играл в нарды.
 Оттого он мыслил космическими значениями,
 движениями планет и звездами над головой,
 вселенским охватом взгляда.
 Это настольная игра для двух игроков.
 Персидские астрологи с помощью народов часто
 предсказывали судьбы владык.

Глядят на нас рассвет и вечер – два надзирателя
 привычных,
 Никто от времени укрытия и тайника не обретал.
 У Абая есть сравнение: «Часы – это воры,
 обрекающие человека на верную гибель».
 «Сағаттың шықылдағы емес ермек, / Һәмиша өмір
 етпек – ол білдірмек. / Бір минут бір кісінің өміріне
 ұқсас, / Өтті, өлді, тағдыр жоқ қайта келмек».
 Столько горести и правды звучат в этом
 стихотворении Хакани:
 Людей ничтожных не проси о даре,
 Ты лишь несчастья обретешь одни.
 Снаружи – блеск, а на изнанке – темень,
 Вся их природа зеркалу сродни.
 Владеют миром женщины и слуги,
 Скопцы, мерзавцы... Ты побудь в тени!
 Но любят в мире праздничную легкость,
 Так легким быть старайся, Хакани!
 Абай был очень и очень близок в нравственном
 искании и ощущении скорби с Хакани. Оба поэта
 трепетно ищут благородство вокруг себя и не
 находят. Хакани в одиночестве:
 Тень – мой единственный приятель, и собеседник
 мой – стенанье,
 Людей искал в родной стране я и не нашел.
 Рефрен «не нашел», неоднократно
 повторяющийся, напоминает стиль Мактумкули.
 Одиночество – как проклятие лучших умов.
 Он будто оплакивает свою избранность с такой
 обреченностью. Гимн одинокого гения среди людей
 и страх у Абая этнически выражены в знаменитых
 «Восьмистишиях»:
 От отца – вшестером,
 Мать любя, вчетвером,
 Рождены мы и всеми я чтим.
 Но, родней окружен,
 Прозреваю, смущен:
 «Я покинут народом своим!»
 Как могила шамана в глуши,
 Одинок я, со мной – ни души!
 «Атадан алтау, / Анадан төртеу, / Жалғыздық
 көрер жерім жоқ. / Ағайын бек көп, / Айтамын
 ептеп, / Сөзімді ұғар елім жоқ. / Моласындай
 бақсының / Жалғыз қалдым тап шыным» (Абай,
 «Сегіз аяқ»).

Потеря нравственных ценностей взволновала
 Хакани не менее, чем многих видных и справедливых
 умов человечества:
 И очевидно, человечность ушла в небытие
 навеки,
 Страны, где не царят злодеи, я не нашел.
 У Хакани есть сравнение «Десницей времени

изранен», «И, оседлав коня удачи» – несколько столетия позже Абай пишет «Жас жүрек жайып саусағын, / Талпынған шығар айға алыс», т.п.

2. Плач мира

Хакани свою скорбь облакает в метафору, где созвучие с Абаем просто сходятся на редкость одинаково, будто они одно целое:

Там, где, тихо журча, два ручья из очей моих льются,

Звук черпалки небес, колеса водяного услышь.

Вот уже близко гроза, в туче мою сможешь поведать,

Долгий вопль «Пощади!» от вершины ледовой услышь.

Абай чуть ли с умилением сам просит слезы: «Көзіме жас бер, жылайын», («Есінде бар ма жас күнің»), он не в силах преодолеть слез любви или отчаяния: «Жүрегім, соқпа, кел тоқта, / Жас келер көзге жүр-жүрлеп»).

О, господи, дай слезы моим глазам,

Терпенья дай, чтоб снова мне воспрянуть.

Больному сердцу отыщи бализам.

Быть может, все же, залечу я рану.

(Абай. «Припомни дни, когда ты молод был»).

В своем тезисе о сущности и предназначении поэзии Абай высоко ценит слезы как признак человеческого божественного эмоционального состояния, ведь именно благодаря слезе и смеху человек отличается от остальных млекопитающих. Где слезы и стихи родственны – это удел благородных и посвященных, а невежды просто не поймут высокую суть искренних слез. Сопереживание и сострадание – удел благородных людей.

«Өзгеге, көңілім, тоярсың, / Өлеңді қайтіп қоярсың? / Оны айтқанда толғанып, / Іштегі дертті жоярсың. / Сайра да зарла, қызыл тіл, / Қара көңілім оянсын. / Жыласын, көзден жас ақсын. / Омырауым боялсын. / Қара басқан, қаңғыған, / Хас надан нені ұға алсын? / Құлағын ойлы ер салсын. / Тыңдамаса еш адам, / Өз жүрегім толғансын. / Әр сөзіне қарасын, / Іштегі дертім қозғалсын. / Әуелесін, қалқысын, / От жалын боп шалқысын. / Жылай-жырлай өлгенде, / Арттағыға сөз қалсын». («Өзгеге, көңілім, тоярсың» Абай, 1 том, 119 стр.)

«Жылайын-жырлайын» в контексте текста Абая не раз встречаются вместе, даже в любовной лирике («Көзімнің қарасы»), плакать и сочинять – как близнецы, рождаются неразлучно, меланхолия и поэтическое вдохновение: «Жылайын, жырлайын,

Космическое сознание Хакани выше самосознания: «Всю ночь от бешеного жара дрожу, как солнце в ореоле».

/ Ағызып көз майын. / Айтуға келгенде, / Қалқамас сөз дайын».

Удивительное совпадение в психологическом состоянии лирических героя Хакани и «я» Абая: «Көк ала бұлт сөгіліп, / Күн жауады кей шақта. / Өне бойы егіліп, / Жас ағады аулақта. / Жауған күнмен жаңғырып, / Жер көгеріп күш алар. / Аққан жасқа қаңғырып, / Бас ауырып, іш жанар».

Это стихотворение Абая звучит на русском языке:

В иной час, брюхо туч распоров,

Проливается дождь обложной.

Одинок, без стенаний и слов,

Истекаешь горячей слезой.

Дождь прошел, вслед за ним во весь рост

Зеленеет земля и цветет.

Разболевшись от пролитых слез,

Голова кругом идет.

Одиночество для Хакани и Абая соизмеряется одинаково. Хакани:

Теперь изваянием каменным боль в груди онемелой стоит.

В развалины сердца вселилась печаль, вошел одиночества страх.

«Жартасқа бардым, / Күнде айқай салдым, / Онан да шықты жаңғырық. / Естісем үнін, / Білсем деп жөнін, / Көп іздедім қаңғырып. / Баяғы жартас – бір жартас, / Қаңқ етер түкті байқамас». Абай:

Я к утесу ходил,

Криком там исходил.

Эхо долго катало мой крик.

Изучая тот звук,

Я прошел путь наук,

Мне казалось, я много постиг.

Но утес, он на то утес,

Крик мой канув, нигде не пророс.

У Абая это жальщее чувство одиночества и тоскливой избранности сродни «могиле шамана», которая стояла отдельно от других в силу отверженности. С торжеством ислама в великой степи изменился статус тенгрианства, шаманизм подвергся к изгнанию. Образ шамана, баксы* ассоциировался с бесами.

Уязвлен змеею жизни, я несчастья вижу всюду.

Будь, небытия пещера, мне обителью родной!

Разве «небытия пещера» Хакани и «могила баксы» Абая не одно и то же в своей меткой метафоричности?! Разве Хакани и Абай - не родственные души во всем?! Хакани поклялся: «Господи! Кафиром буду, если среди людей однажды / Смог увидеть человека... Таковы Адама чада!».

Хакани часто засматривается в небеса, без космоса восточный человек не существует. Он свое состояние души измеряет космосом, чего можно часто видеть и у Абая. Схожесть повсюду их роднит по-настоящему.

О, горе! Медлительно счастье мое – недвижно стоит, как земля...

От быстрогогущего свода небес усталая тяжесть в ногах.

Абай особенно скорбит и смиряется лицемерием людских взаимоотношений, ему уже одинаково не мил ни друг, ни враг, поскольку в них нет почти разницы: «Көңілім қайтты достан да, дұшпаннан да». Неверность и несовершенство пронизывают почти все стороны человеческой жизни:

Көңілім қайтты достан да, дұшпаннан да,
Алдамаған қалмады жан адамда.

Алыс-жақын қазақтың бәрін көрдім,
Жалғыз-жарым болмаса анда-санда.

Пайда үшін біреу жолдас бүгін танда,
Ол тұрмас бастан жыға қисайғанда.

Мұнан менің қай жерім аяулы деп,
Бірге тұрып қалады кім майданда?

Несколько веков назад Хакани понял эту неутешительную истину:

Всего страшусь и жду лишь зла от каждого создання,

А друга, хоть заплачь навзрыд, на свете не осталось.

И сердце в ужасе бежит от недруга и друга,
Того, кто верность сохранит, на свете не осталось.

О, Хакани! Навек смиришься, не сбросишь гнет постылый,

Ведь радости, что нас целит, на свете не осталось.

Абай приказывает своему сердцу просто остановиться: «Жүрегім, ойбай, соқпа енді!».

Сенісерге жан таба алмай,

Сенделеді ет жүрек.

Тірілікте бір қана алмай,

Бұл не деген тентірек?

Одиночество крепко берет обоих поэтов в свое объятие. Духовное родство налицо. Хакани приказывает себе так же, как и наш Абай, несколько столетия спустя:

О Хакани! Чуждайся низких, пей в горе кровь живого сердца,

С тобою та, что всех милее и всех желанней, не осталась.

Человек и космос едины, и Хакани повсюду видит магическую связь земли с небом. Он почти однозначно обвиняет в земных страданиях небеса: «вечно небосвод сутул», «Там небо гневное решило на волосе подвесить душу», «По воле двухцветного небес...», «Стрела из лука небосвода всегда вонзалась в сердце нам». Фатализм Хакани дополняет языческие представления Абая, он также не отличает представления макрокосма, вселенной от микрокосма, человека.

Абай в природной лирике видит извечный союз неба и земли в виде супружеской пары («Жазғытұры»).

Жаз жіберіп, жан берген қара жерге
Рахметіне алланың көңіл сенер.

Күн – күйеу, жер – қалыңдық сағынышты,
Құмары екеуінің сондай күшті.

..Күн – күйеуін жер көксер ала қыстай,
Біреуіне біреуі қосылыспай,

Көңілі жер лебіне тойғаннан соң

Жер толықсып, түрленер тоты құстай.

Хакани предпочел успокоение сознания. Фатализм античного мирозерцания не исчез, человек был и остается рабом обстоятельств свыше:

Коловращению небес все покорилось на земле.
Кто воспротивится ему?

Таких не видел белый свет.

Плачь, Хакани, в преступном мире! Приятны мне твои стенанья,

Ведь музыки, что их звучнее, я не нашел.

Горечь Хакани чудовищно велик, возможно, сплин высокой души выражается таким образом.

Мне кажется, что тяжким вздохом я разорвать смогу все небо,

Как рвет его багрец рассвета, когда разливу нет препон.

Томится в клетке птица сердца, наказана за красноречье.

Оно давно бы улетела, но западни – со всех сторон.

Кто есть человек для Хакани? Библейские мотивы о происхождении человека верны – «Сотворенный из праха», «обитель праха», «Что говорит о горстке праха?», «О, Хакани! Восславь того, кто смог из глины и воды / Такое диво сотворить! Всевышнему – твоя хвала!», «Обители праха мы прахом становимся сами, / И золото юности удержал я в горсти».

Земли, что тебя питала, больше всего страшись –

Она восстанет однажды и скажет: «Меня насыть!».

(Окончание в следующем номере)